

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

Школа философствования

Начала философии* **Раздел V. Философия истории** **Глава 13. История как прогресс свободы** **Введение**

Б.В. МАРКОВ

Введение

Слово «история» содержит в себе некую двойственность, допускающую своеобразную игру значений. История – это объективное прошлое, события, которые предшествовали современности. История – это рассказы, свидетельства и иные сведения о прошедшем. Наконец, «история» – это название науки, исследующей события и рационально реконструирующей на основе установленных фактов те или иные свидетельства и рассказы. История – это еще и форма памяти, существующая в виде не только воспоминаний и переживаний, но и монументов, а также праздничных дней, которые сопровождаются зрелищными демонстрациями, повторением прошлого в перформативной форме.

Сегодня наука «история» переживает такую фазу своего развития, которая чем-то напоминает революцию в физике, завершившуюся созданием Общей теории относительности. Если раньше историки стремились к воссозданию объективной картины прошлых событий и пытались восстановить, как все было «на самом деле», то сегодня признается правомерность множества описаний прошлого. Однако проблема не только в допущении множества интерпретаций прошлых событий, но и в том, что, собственно, считать таковыми. Какие события должны реконструировать историки: войны, «труды и дни», т.е. хозяйственные и иные культурные достижения, научные и технические открытия, поступки великих людей или движения масс? По сути дела сегодня наиболее развитыми являются истории политических, экономических, социальных, научных, культурных, религиозных, идеологических, философских событий и достижений. Такая картина прошлого является неполной и односторонней. Перед историками стоит множество проблем, вызванных трудностями описания происхождения и объяснения причин значимости тех или иных событий. Неясно, что делает некоторые из них «великими», «историческими» и, тем более, «судьбоносными».

* Продолжаем публикацию материалов учебника «Начала философии», подготовленного коллективом петербургских авторов (см.: Философские науки. 2010. № 5 – 12; 2011. № 1 – 10; 2012. № 5, 6, 8).

Войнам, революциям, открытиям и изобретениям предшествуют малозаметные поступки и деяния огромного числа отдельных мужчин и женщин, каждый из которых действует по-своему рационально, но в результате, как отмечали историки, получается то, чего никто не хотел. И это еще один важный вопрос методологии исторических наук: насколько идея прогресса применима к истории? Если нашим далеким предкам казалось, что человеческая история — это картина упадка и явное свидетельство вырождения современников по сравнению с великими предками-героями, то нам видится в истории рост цивилизации и эмансипации. Выше всего на свете оценивая личную независимость и комфорт, мы с сожалением смотрим в прошлое, когда люди жили в невыносимых условиях насилия, нищеты и болезней. Сегодня прошлое кажется нам ужасным, а будущее светлым. И только настоящее вызывает некоторые сомнения, которые мы преодолеваем, отыскивая врагов, препятствующих свершению светлого будущего.

Вместе с тем, очевидно, что такая оптимистическая картина прогресса имеет своим основанием наивную веру в правило «невидимой руки» (естественноисторические законы К. Маркса или законы свободного рынка А. Смита), заменившей веру в божественный промысел. Таким образом, можно сделать вывод, что *историчность* состоит не только в том, что, живя в настоящем, мы имеем позади себя прошлое, а впереди — будущее, но и в развитии самих представлений об истории. Изменяются нормы, традиции, оценки, на основании которых осмысливается *прошлое*, воспринимается *настоящее* и планируется *будущее*.

Можно указать два типа исторического сознания, структуры которого определяли понимание времени. Традиционное общество видело гарантии своего существования в сохранении традиции. Будущее определялось прошлым — благородным происхождением, хорошим воспитанием, а также настоящим — добрыми обычаями и справедливыми законами, крепкой семьей и домом, сильным государством и авторитетной властью. Все меняется в эпоху Нового времени. Общество становится все более сложным, а личные и родственные связи — все менее прочными. Человек определяется как *индивидуум* (неделимое, постоянное) и одновременно как *свободная личность*. В иерархическом обществе положение человека определялось его происхождением. В эпоху Просвещения заговорили о равенстве, которое понималось в духе прав человека, которыми обладают все люди, независимо от социального статуса. Эти изменения в сознании людей — субъектов истории имели важные последствия для понимания истории. Судя по раздумьям Августина, раньше мыслители испытывали затруднения при определении природы времени. Одни отдавали приоритет прошлому, другие — будущему. Общество *модерна* больше ценит настоящее. Именно оно определяет оценку прошлого и будущего, которое зависит от свободного выбора и новых решений. Оно уже не связано с прошлым причинной связью, а является открытым.

Итак, начиная с Нового времени, люди мыслят себя живущими в настоящем, и остальные исторические измерения имеют чисто умозрительный характер, мало влияют на наше положение в современном мире. Это достаточно невероятное допущение. Даже сегодня вряд ли у кого-то воз-

никнут сомнения, что настоящее — это продукт и результат прошлого. Так называемая *историческая необходимость* проявляется в том, что результаты деятельности наших предков — орудия труда, фабрики и заводы, дороги, транспорт, поля, села и города — составляют ту почву, тот культурный ландшафт, в котором мы вырастаем и который должны совершенствовать. Точно также о наследии прошлого можно говорить в аспекте существующих социальных институтов, учреждений культуры и образования, традиций и форм быта. Современное было бы непредставимо как современное без других форм исторического времени — прошлого и будущего.

Влияние других форм времени на настоящее столь велико, что нередко можно встретить людей, живущих либо воспоминанием, либо мечтой. Однако чаще всего люди предпочитают жить только настоящим, использовать те возможности, которые предоставляет время *сейчас*, без каких-либо сожалений или иллюзий. Тот, кто хочет жить хорошо, должен уметь плавать в бурных волнах времени и ловить свою удачу. Конечно, одни возможности существуют долго, и для их реализации требуется много труда и терпения, но другие мимолетны и, как всякие счастливые находки, достаточно редки. Умение жить в настоящем — это искусство терпеливой работы в сочетании с живостью и хваткой, умением воспользоваться удачно сложившимися обстоятельствами. Но не только это. Жить в настоящем — не значит лишь «собирать камни». Из-за ускоряющегося движения исторического времени наследие отцов в какой-то мере устаревает, и его уже недостаточно детям, живущим в новых, изменившихся условиях.

Известный историк С.М. Соловьев писал: «Если к каждому частному человеку можно обратиться с вопросом: “Скажи нам, с кем ты знаком, и мы скажем тебе, кто ты таков”, — то к целому народу можно обратиться со следующими словами: “Расскажи нам свою историю, и мы скажем тебе, кто ты таков”»¹. Выражение «утрата прошлого» имеет не только тот смысл, что выражен в словах историка, указавшего на значение богатства истории для наших дней. Дело в том, что прошлое может быть представлено таким образом, что оно будет обеднять настоящее. Если люди не знают своего прошлого или пытаются его замалчивать, то они не извлекут из него ни уроков, ни традиций. И в то же время они не избавятся от него, а лишь загонят вглубь, подобно чувству вины или греха. Такой способ хранения истории в подсознании наименее плодотворен, так как мешает развитию и тяжелым камнем лежит на сердце людей. Оценка нашего недавнего прошлого как «ужасного» не всегда учитывает относительную жестокость прошлых эпох, но она имеет право на существование, поскольку характеризует нашу нетерпимость к ее рецидивам в настоящем. От этого прошлого нельзя избавиться ни простыми воспоминаниями о негативных событиях, ни замалчиванием их, и только изучение истории того, *как и почему* нечто было, превращает моральный протест в действенный инструмент настоящей жизни. Только так даже самое трудное, тяжелое для страны прошлое может стать опорой ее возрождения.

Было бы самонадеянно считать, что сегодня мы выработали окончательное и абсолютно правильное отношение к истории. Историческое сознание, как и всякое другое, должно развиваться, ибо оно является необходимым условием понимания настоящего и выбора будущего. Поэтому

важно иметь представление об опорных точках и исторических вехах сознания прошлого, что особенно существенно для понимания истории не как простой совокупности сведений, которые мы черпаем из учебников, а как особой формы мысли, связанной с исследованием, сомнением и поиском, и прежде всего с изменением нашего собственного исторического сознания.

Глава 13. История как прогресс свободы

О пользе и вреде истории для жизни. Сегодня все большее число историков, культурологов, философов понимают неустойчивость нашей цивилизации и в качестве лекарства указывают на формы жизни людей в традиционных обществах. Мы гордимся комфортом и независимостью, зато у нас серьезные проблемы с солидарностью. Мы хотим, но не можем жить вместе. Мы гордимся достижением равенства и свободы, но на самом деле огромное число людей завидуют тем немногим, что стоят у кормила власти. Ницше с горечью писал о том, что философы внушили людям мысль о равенстве, но ничего не сделали для его фактического достижения. Отсюда развитие отвратительного чувства ressentiment (смесь зависти и злобной ненависти), которое приводит к нигилизму и декадансу. Между тем, члены традиционного иерархического общества чувствовали себя звеньями единой цепи, и это обеспечивало солидарность людей, которые защищали стены городов как свои собственные.

Не становятся ли уязвимыми народы, зашедшие слишком далеко по пути прогресса цивилизации? Рим был разрушен архаичными ордами варваров. Сегодня западной цивилизации угрожает Восток, который применил «партизанскую» стратегию, всегда приводившую в ужас профессиональных военных. Не означает ли это, что современное общество, основанное на демократии и просвещении, на гуманизме и защите прав человека, общество, сделавшее ставку на комфорт, неизбежно будет завоевано и разграблено менее цивилизованными жадными соседями?

Ф. Ницше — подающий большие надежды молодой профессор классической филологии — неожиданно заявил, что избыток истории и, следовательно, цивилизации оборачивается несчастьем: история ослабляет личностное начало, она превращает историка в актера, перевоплощающегося в чужие роли; она затормаживает и даже разрушает необходимые для жизни инстинкты, ибо создает иллюзию рациональности и справедливости исторического процесса. Человек, чтобы действовать, нуждается в поддержке памяти, которая есть не что иное, как дух предков. Но история, если мы распениваем ее как «ужасную», может внушать страх, и тогда становится необходимым забвение. Основной вопрос антропологии истории состоит в том, обладает ли человек достаточной пластической силой, чтобы вынести груз истории. Существуют два крайних типа людей: одни буквально «истекают кровью» от самого незначительного переживания, вызванного легким страданием или чувством несправедливости; другие, напротив, обладают толстой кожей и их не задевают самые ужасные невзгоды и злые деяния. Первые даже в таких сравнительно мягких условиях жизни, как наши, чувствуют себя «униженными и оскорбленными», другие при самых неблагоприятных условиях жизни достигают благополучия и спокойствия.

Основная идея, высказанная Ницше, состоит в том, что сухая, объективированная онаученная история вредна; время образования породило огромное число молодых людей, которые все знают, но которых история ничему не учит. Какая же история может стать полезной? Если одна история определяется как «поучение без оживления», то другая — как необходимое условие жизни: «Лишь постольку история служит жизни, постольку мы сами согласны ей служить; а между тем существует такой способ служения истории и такая оценка ее, которая ведет к вырождению жизни»².

Надысторические люди — это, говоря современным языком, метаисторики.

Метаисторический подход претендует на выход за пределы существующих исторических описаний, т.е. создание нового, более богатого языка, охватывающего все существующие подходы. Но при этом возникает множество вопросов. Охватывает ли такой «метаязык» исторические события и их описания, выполняет ли он функцию понимания, или остается всего лишь более совершенным синтаксическим средством? Претендует метаисторик на абсолютное знание и на звание «последнего историка», или согласен с тем, что никто не может знать то, чего не знают другие, и поэтому допускает, что по отношению к нему также возможна метаисторическая позиция?

В принципе возможны два пути реализации абсолютного или относительного «метаисторического» знания об истории. Во-первых, это создание чего-то подобного «машине времени», благодаря которой мы могли бы знать, как все было на самом деле, и таким образом поставить точку в спорах историков. Во-вторых, можно объявить о конце истории, т.е. допустить, что современность является осуществлением конечной цели истории, и что полное и точное знание о прошлом, будущем и настоящем принципиально открыто и доступно. На самом деле, даже если бы каким-то чудом была создана машина времени, то это не решило бы проблем исторического познания, так как после описания того, как все было на самом деле, этим проблема понимания была бы только поставлена.